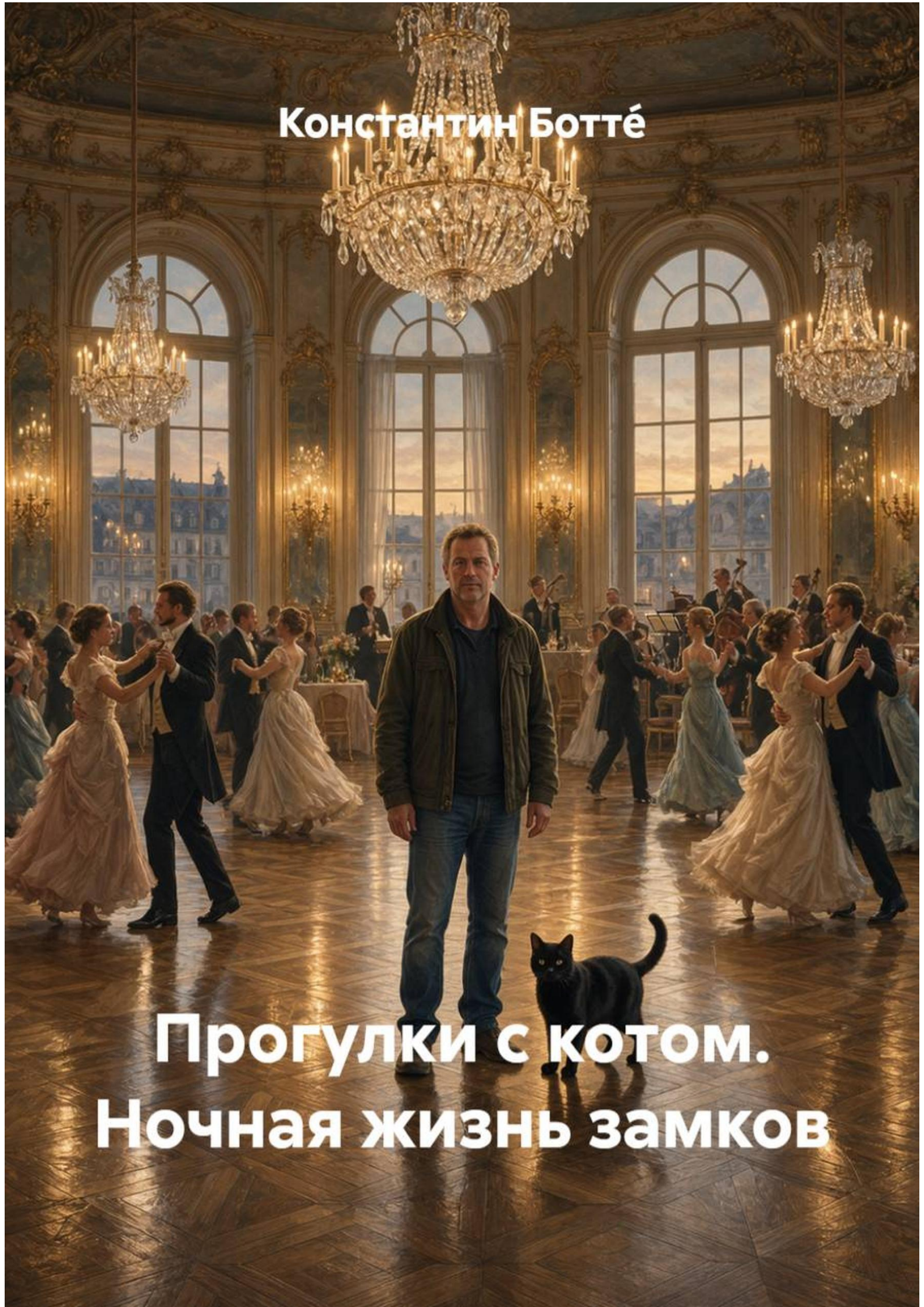

Константин Боттэ

Прогулки с котом.
Ночная жизнь замков

Константин Боттё

**Прогулки с котом.
Ночная жизнь замков**

«Автор»

2026

Боттё К.

Прогулки с котом. Ночная жизнь замков / К. Боттё — «Автор»,
2026

Что, если бы у каждого замка был свой хранитель — чёрный кот, который помнит всё: и коронацию Миндовга, и тайные ходы Сапег, и соляные капризы Пяне Коханку, и шёпот призрачной Барбары Радзивилл? Именно он приходит в полночь к запертым воротам, чтобы открыть настоящую, живую историю — с кровью, интригами, алхимией, семейными драмами и неожиданным юмором. В этой книге вы пройдёте по двадцати дворцам и замкам от Несвижа и Мира до Гомеля и Красного Берега, — но не по билету, а сквозь потайные лазы и подземелья, куда не ступает нога экскурсовода. Вы станете свидетелями того, как оживают портреты магнатов, рыцари сходят с доспехов, а в зеркалах проступает печальный лик Чёрной Панны. Это захватывающий ночной детектив, где каждый камень дышит вековыми тайнами, а ирония соседствует с трагедией. Готовы ли вы услышать, о чём молчат стены? Тогда открывайте книгу — и следуйте за чёрным котом. Только помните: полночь — время, когда замки сбрасывают маску и становятся собой

© Боттё К., 2026

© Автор, 2026

Константин Боттё

Прогулки с котом. Ночная жизнь замков

Глава 1

Поздняя ночь в Несвиже пахла сыростью Дикого озера, прелой озерной травой и старым камнем. Туман был настолько густым и осязаемым, что казался живым существом. Он лениво переваливал через замковые валы, слизывая очертания бастионов и превращая величественный дворец Радзивиллов в призрачный силуэт, парящий где-то между небом и землей.

Я сидел на деревянной скамье у пруда, поглубже спрятав руки в карманы куртки. Настроение было под стать погоде – серое и туманное. Приехать в Несвиж, застрять в дороге, опоздать ко времени работы музея и теперь смотреть на наглухо запертые замковые ворота – было сомнительным приключением. Замок казался неприступной декорацией, заснувшей до утреннего наплыва туристов с билетами.

– Какая поразительная меланхолия. Тебе не хватает только чашки остывшего кофе и томика стихов в руках для полноты образа, – раздался из тумана знакомый, бархатный баритон с едва уловимой ироничной хрипотцой.

Я резко поднял голову. На краю скамьи, прямо в бледном пятне света от кованого фонаря, сидел мой старый знакомый, огромный угольно-черный Кот. Его шерсть, казалось, впитывала ночную тьму, и только большие янтарные глаза светились колдовским, умным огнем.

– Привет! – я невольно улыбнулся, почувствовав, как глухое раздражение внутри сменяется чистым азартом. – Ты появляешься в моей жизни всякий раз, когда мои путешествия нуждаются в помощи.

– А ты надеялся встретить здесь кого-то другого? Местного призрака в первом поколении? – Кот лениво потянулся и аккуратно обернул хвостом лапы. – Признаться, я ждал тебя в замковом дворе, но твоя пунктуальность, как всегда, заставила меня спуститься к прудам.

– Ворота закрыты, – я вздохнул. – Опоздал. Придется ждать утра и ходить строем за экскурсоводом.

Кот издал звук, очень похожий на человеческий смешок. Он грациозно спрыгнул на землю и сделал несколько шагов в сторону рва, обернувшись на меня.

– Утро? Экскурсоводы? Мой дорогой друг, днем в этом замке тебе покажут лишь отреставрированные стены, начищенный паркет и скучные даты, переписанные из учебников. Днем здесь живут декорации для туристов. Настоящая история, подлинный Несвиж со всеми его грехами, тайнами и золотыми апостолами, оживает только после полуночи. Хочешь увидеть замок, который не покажут по билету?

Я встал с лавки, даже не думая сомневаться. Кот знал историю здешних мест так, словно сам лично подписывал указы вместе с князем Сироткой и подливал вино на пирах Пане Коханку. Его цинизм и тонкий юмор всегда превращали любую легенду в живую, осязаемую реальность.

– Веди, – коротко бросил я.

– Иди за мной и старайся не шуметь. Нынешняя охрана замка, конечно, ловит только ворон, но тревожить тени прошлого раньше времени не стоит, – прошептал Кот.

Он уверенно свернул с освещенной дорожки и скользнул вниз, прямо по крутому склону замкового вала. Внизу, у самого зеркала воды во рву, туман стоял плотной стеной. Кот безошибочно пробирался через заросли, пока не остановился у старой, увитой диким плющом и наполовину ушедшей в землю кирпичной арки. Обычный человек принял бы её за элемент старой дренажной системы, но Кот ловко юркнул внутрь.

Мне пришлось согнуться в три погибели, чтобы протиснуться следом. В нос ударил запах столетней сырости, пороховой гари и сухого кирпича. Это был один из тех потайных ходов, о которых шептались городские историки – старинный лаз, проложенный еще в XVI веке на случай осады.

Мы двигались в полной темноте. Единственным ориентиром были два янтарных огонька кошачьих глаз, мерцавших впереди, и тихое шуршание его когтей по граниту. На удивление, подземный ход вел не вниз, а плавно поднимался вверх.

Спустя несколько минут крутой подъем закончился. Кот остановился перед массивной, обитой железом дубовой дверью, скрытой в нише стены. Кот мягко коснулся лапой стыка между камнями – раздался глухой щелчок, и тяжелая створка, вопреки законам физики, абсолютно бесшумно приоткрылась внутрь, выпуская нас в темноту парадных залов.

Мы оказались внутри. Замок ждал нас, затаив дыхание в преддверии полуночи.

Мы оказались в большом, гулком пространстве. Лунный свет падал сквозь огромные арочные окна, прорезая темноту длинными косыми полосами, в которых медленно кружились пылинки. Мои шаги по начищенному до блеска паркету казались оглушительными, похожими на выстрелы. Я инстинктивно переходил на цыпочки, чувствуя себя святотатцем, нарушившим покой музея.

Кот же двигался совершенно бесшумно, словно сотканный из того самого тумана, что остался снаружи. Он шел чуть впереди, высоко подняв хвост со щегольски изогнутым кончиком. Его походка сочетала в себе грацию аристократа на балу и поразительную ловкость бывшего проходимца, готового в любой момент юркнуть под диван при появлении горничной с веником.

– Обрати внимание на эти потолочные своды, – негромко, но отчетливо заговорил Кот, грациозно обходя массивную бархатную банкетку. – Нынешние искусствоведы любят вздыхать о «чистом итальянском ренессансе». Какая трогательная наивность. Старик Бернардони, конечно, был гением, но князь Сиротка обладал характером... скажем так, весьма бескомпромиссным. Он лично урезал смету на лепнину три раза. В итоге бедному итальянцу пришлось маскировать нехватку мрамора местным известняком и безупречной штукатуркой. Впрочем, получилось красиво, не находишь? Дух экономии всегда витал над этими стенами, удачно прикрываясь величием рода.

Я едва сдерживал улыбку. Слушать его было чистым удовольствием – в манере изъясняться сквозила утонченная эрудиция, густо замешанная на легком плутовстве. Он явно знал изнанку этого блеска.

Мы вошли в Звездный зал. Потолок здесь напоминал ночное небо, а в самом центре застыли огромные старинные часы с позолоченными стрелками. До полуночи оставалось всего несколько секунд.

Внезапно Кот остановился. Его уши чутко дернулись, а янтарные глаза сузились до едва заметных щелей.

Бом... – первый удар колокола прозвучал так мощно, что у меня заложило уши.

Воздух в зале мгновенно изменился. Он стал густым, тяжелым, почти осязаемым, словно комната наполнилась невидимой водой. По залам пронесся резкий порыв холодного ветра, хотя все окна были наглухо закрыты. С каждым новым ударом часов пространство вокруг нас теряло свою статичность.

Бом... Бом... Бом...

Я застыл, боясь сделать вдох. Портреты Радзивиллов на стенах, до этого казавшиеся лишь безжизненными холстами, вдруг зашевелились. Тяжелые масляные краски потекли, возвращая лицам объем. Дамы в пышных воротниках-фрезах начали кокетливо обмахиваться веерами, а суровые магнаты на соседних полотнах недовольно поправляли сабли и прочищали горло, готовясь заговорить.

С последним, двенадцатым ударом, из длинной галереи донесся страшный, глубокий звук. Тяжелые рыцарские доспехи, стоявшие вдоль стен как безмолвные стражи, синхронно издали глухой, металлический вздох, будто в пустые железные грудные клетки ворвался ледяной ночной воздух. Латы дрогнули, скрежетнули суставами, и первый гигантский стальной сапог тяжело опустился на паркет.

Мое сердце ушло в пятки. Я попятился, но Кот даже не вздрогнул. Он лишь аккуратно присел на задние лапы, обвил их хвостом и посмотрел на меня с едва заметной, снисходительной усмешкой пройдохи, который точно знает, что представление полностью оплачено.

– Ну вот, – спокойно и почти буднично произнес Кот, слегка склонив голову набок. – Шоу начинается. Смотри и, сделай милость, не перебивай артистов. У них весьма ранимое самолюбие, особенно у тех, что в латах.

Тяжелые латы, выкованные немецкими мастерами четыре века назад, двигались с пугающей грацией. Металл со скрежетом терся о металл, когда призрачные рыцари сошли со своих постаментов и выстроились в два ровных ряда вдоль стен галереи. Они синхронно подняли тяжелые двуручные мечи, отдавая кому-то честь.

Из глубокой тени в конце коридора материализовался плотный силуэт. Это был невысокий человек в богатом шляхетском жупане, подбитом мехом. На его плечах покоилась тяжелая золотая цепь, а лицо, иссеченное морщинами, выражало крайнюю степень озабоченности. В руках он держал свернутый в рулон чертеж.

– Николай Христофор Радзивилл по прозвищу Сиротка, – почтительно, но с легкой ноткой панибратства прошептал Кот, усаживаясь поудобнее. – Прошу любить и жаловать. Великий перестройщик здешних земель.

Призрак князя взмахнул рукой, и пространство вокруг нас начало стремительно трансформироваться. Стены Звездного зала вдруг стали полупрозрачными. Сквозь них проступили очертания весеннего холма, шумящие вековые дубы и глубокий ров, который только начинали копать десятки призрачных рабочих. Воздух наполнился звуками средневековой стройки: стуком топоров, криками десятников и скрипом телег, груженных кирпичом-пальчаткой.

– Жан Мария! – громогласно воскликнул Сиротка, обращаясь к невидимому собеседнику. – Где этот итальянец Бернадони? Почему ров такой узкий? Я просил ров, в котором утонет целое войско, а не канаву для ловли карасей!

Из воздуха материализовалась фигура худощавого зодчего-иезуита. Он отчаянно жестикулировал, прижимая к груди распятие и пытаясь что-то доказать князю на смеси латыни и полонизированного итальянского.

Кот тихо фыркнул, прикрыв лапой нос, словно пытаясь скрыть улыбку:

– О, этот вечный спор заказчика и исполнителя. Сиротка только-только вернулся из своего грандиозного паломничества в Иерусалим и Египет. Он бредил ближневосточными крепостями и итальянским размахом. Бедный Бернадони пытался объяснить Его Милости, что здешние грунтовые воды и болота просто поглотят слишком глубокий фундамент. Но разве Радзивиллу можно что-то доказать? Проще построить замок из чистого золота, чем переупрямить Сиротку.

Тем временем призрачный князь выхватил у архитектора чертеж, решительно перечеркнул его угольком прямо на колене и указал перстом на место, где сейчас стояли мы.

– Здесь будет галерея! – велел Сиротка. – И чтобы потолки были такими высокими, дабы спесивые послы из Варшавы шею ломали, пытаясь разглядеть лепнину! А на бастионах поставим пушки такого калибра, чтобы от их залпа у кур в Минске яйца трескались!

Проекция стройки заиграла быстрее. Мы увидели, как кирпич за кирпичом поднимались стены, как устанавливались кованые решетки, и как сам князь, самодовольно ухмыляясь, заложил под угловую башню памятную капсулу с золотыми монетами.

– К слову, о пушках и бастионах, – Кот хитро прищурился, глядя на застывших в карауле призрачных рыцарей. – Сиротка так пёкся о безопасности, что превратил замок в передовую цитадель. Вот только его потомки оказались парнями куда более... гедонистических взглядов. Зачем воевать, если можно устраивать пиры?

Кот поднялся, потянулся и сделал несколько шагов вперед, проходя прямо сквозь полупрозрачную фигуру ругающегося итальянского архитектора. Бернадони даже не заметил этого, лишь легкая серебристая дымка взвилась от его сутаны.

– Идем дальше, мой друг. Нас ждет Золотой век. Время, когда Радзивиллы окончательно поняли, что скромность – это порок, а золото – лучший аргумент в любом споре, – Кот оглянулся на меня, увлекая в следующий зал, откуда уже доносились звуки призрачных скрипок и звон дорогого хрусталя.

Призрачный князь Сиротка тем временем свернул свой чертеж и устало опустил в резное кресло, которое материализовалось прямо из воздуха. Вокруг него засуетились тени слуг, поднося серебряные кубки.

Я перевел взгляд на Кота, Который устроился на широком подоконнике, лениво подергивая хвостом.

– Вот смотришь на него – грозный магнат, вершитель судеб, – мурлыкал Кот, шурясь на призрака. – А ведь самое свое знаменитое прозвище он получил благодаря... обычному детскому плачу и монаршей жалости. Забавная история, которую в роду Радзивиллов не очень любили афишировать во всех подробностях.

– Ты о прозвище «Сиротка»? – тихо спросил я, стараясь не привлекать внимания стражников в латах. – Кажется, его так назвал король?

– Именно, – Кот изящно лизнул лапу. – Его отец, великий Николай Радзивилл Чёрный, взял маленького сына на королевский бал в Краков. Ну и, как это водится у вечно занятых государственных мужей, родители упорхнули танцевать и пить венгерское, оставив младенца почивать в одной из дальних палат дворца. Разумеется, мальчик проснулся, обнаружил вокруг себя чужие гобелены и закатил образцовую шляхетскую истерику. На крик заглянул сам король Сигизмунд Август. Увидев забытого всеми ребенка, монарх взял его на руки и благодушно воскликнул: «Ах ты, мой бедный, всеми оставленный сиротка!». Фраза мгновенно разлетелась по двору. Папенька Чёрный был в ярости, но против королевского слова не попрешь – прозвище прилипло на всю жизнь. Ирония в том, что этот «сиротка» позже унаследовал едва ли не половину земель Великого Княжества.

В этот момент фигура Сиротки в центре зала вздрогнула. Образы средневековой стройки за окнами начали стремительно бледнеть, сменяясь совершенно иными, чуждыми для Беларуси пейзажами. В воздухе отчетливо запахло сухим пустынным песком, благовониями и миррой.

Перед князем прямо на паркете соткался огромный деревянный ящик, испещренный непонятными символами.

– О-о, а вот это моя любимая часть его биографии, – Кот встрепенулся, его уши прижались к голове от любопытства. – Мало кто помнит, но Сиротка был невероятно набожным и отважным путешественником. После тяжелого ранения он поклялся совершить паломничество к Гробу Господню. Добрался до Иерусалима, доплыл до Египта, посмотрел на пирамиды... И, как истинный коллекционер, решил привезти домой сувениры. Да не какие-нибудь ракушки, а настоящие египетские мумии! Причем сразу две.

На наших глазах призрачные матросы начали открывать ящик. Из него показались темные, иссохшие погребальные бинты.

– Князь купил их в Каире за бешеные деньги, чтобы пополнить замковую кунсткамеру, – продолжал Кот, и в его голосе прорезались нотки истинного пройдохи, смакующего чужую неудачу. – Но Сиротка не учел одного, а именно, суеверности матросов. Как только их корабль

вышел в Средиземное море, поднялся страшный шторм. Команда взбунтовалась, крича, что во всем виновато проклятие фараонов. Князю пришлось уступить. По его приказу эти бесценные исторические артефакты попросту выбросили за борт на корм средиземноморским рыбам. Представляешь, какой удар по шляхетскому самолюбию? Купить мумии, везти их через полмира и утопить из-за банального шторма!

Призрак Сиротки набожно перекрестился, закрывая лицо руками, словно до сих пор переживал тот давний морской позор. Проекция Египта растаяла, и залы Несвижского замка снова погрузились в привычный лунный полумрак. Призрачный князь медленно растворился в воздухе, оставив после себя лишь легкий запах ладана.

– Ладно, Сиротка свое дело сделал – крепость построил, – Кот спрыгнул с подоконника и мягко потрусил к тяжелым резным дверям, ведущим в глубину дворца. – Но замок рос, богател, и следующие поколения Радзивиллов решили, что суровый дух рыцарства – это слишком скучно. Идем, мой друг, я покажу тебе, как здесь умели сорить деньгами, от Которых до сих пор кружится голова у минских налоговых инспекторов.

Мы миновали анфиладу темных комнат и остановились на пороге Бального зала. Едва Кот переступил черту, как по залу пробежала яркая золотая искра. Она скользнула по стенам, и в тот же миг сотни хрустальных подвесок на огромных люстрах вспыхнули ровным, теплым светом свечей.

Воздух мгновенно потеплел. Он наполнился сумасшедшим коктейлем запахов: жареной дичи, выдержанного венгерского вина, дорогого парфюма и... соленого морского бриза. По ушам ударил залиvistый смех, звон бокалов и оглушительный, бравурный марш, исполняемый призрачным оркестром на хорах.

– Добро пожаловать на вечеринку века, – иронично промурлыкал Кот, запрыгивая на мраморную балюстраду, чтобы его не растоптали. – Век восемнадцатый. Эпоха Кароля Станислава Радзивилла, более известного как Пане Коханку. Самый эксцентричный, богатый и, признаться, совершенно безумный пройдоха во всей Европе.

Прямо посреди зала из воздуха соткался исполинский дубовый стол, ломящийся от призрачных яств. За ним сидели десятки шляхтичей в роскошных кунтушах. В самом центре, раскинувшись на резном стуле, хохотал тучный человек с пышными усами и хитрыми, вечно пьяными глазами. Он держал в руке серебряный кубок размером с хорошую супницу.

– Коханку! – гремел его голос, перекрывая музыку. – Жарко, будь всё неладно! Июль месяц, а душа просит зимы! Хочу кататься на санях! Желая снега под полозьями прямо сейчас, или я велю высечь всю челядь!

Я застыл, наблюдая, как призрачные слуги в панике заматались по залу.

– О, это его знаменитый каприз, – Кот почесал лапой за ухом, пренебрежительно глядя на суетящиеся тени. – Большинство думает, что это городская байка, но я-то помню, как у местных крестьян едва спины не треснули. Князь действительно захотел покататься на санях посреди лета. И как ты думаешь, что он сделал? Приказал засыпать всю дорогу от замка до его загородной резиденции... солью! Дорогой, дефицитной белой солью, Которая тогда стоила как хорошая верховая лошадь за пуд.

В этот момент паркет под моими ногами внезапно изменился. Он потерял свой лаковый блеск, побелел и стал рыхлым. Я опустил взгляд и обомлел, мы стояли по щиколотку в искрящейся, крупной соли. Раздался оглушительный хруст, стена Бального зала растворилась, и прямо мимо нас, едва не задев меня краем тяжелого полоза, с диким гиканьем, свистом и звоном бубенцов пронеслись резные деревянные сани, запряжённые медведями. На них, укутанный в медвежью шкуру поверх летнего шелка, сидел Пане Коханку, победоносно паля в воздух из позолоченного пистоля.

От саней поднялся целый вихрь соляной пыли, которая закружилась в воздухе, как настоящая январская метель. Я закашлялся, инстинктивно прикрывая лицо рукой.

– Истинно королевский размах и абсолютно пустая трата бюджета, – резюмировал Кот, стряхивая белые крупы со своих усов. – Впрочем, соль – это ладно. Пыль для глаз. Настоящее безумие Радзивиллов всегда хранилось чуть дальше, в витринах, Которые обычные воришки обходили стороной. Потому что взять то золото означало подписать себе смертный приговор при жизни.

Кот спрыгнул с балюстрады прямо на соляной «снег», который под его лапами даже не заскрипел, и уверенно направился к застеклённым галереям, где тускло мерцали нити знаменитых Слуцких поясов.

Мы оставили позади затихающий шум пира и вошли в длинную, погружённую в полумрак галерею. Здесь, в строгих стеклянных витринах, покоились знаменитые Слуцкие пояса – шедевры ткацкого искусства Радзивиллов. В лунном свете их сложнейшие узоры казались блеклыми, но Кот решительно подошел к центральному стеллажу.

Он мягко прикоснулся лапой к толстому стеклу. В ту же секунду золотые и серебряные нити внутри витрины зашевелились. Они заскользили друг по другу, издавая тихий, металлический шорох, похожий на шелест сухой осенней листвы. На моих глазах тканые узоры – пышные васильки, бутоны роз и причудливые восточные огурцы – начали отделяться от шелковой основы. Они соткались в тонкие, светящиеся золотом ленты и, подобно гибким прозрачным змеям, плавно выскользнули сквозь закрытые стыки витрины, закружившись в воздухе прямо над нашими головами.

Я завороченно протянул руку, желая коснуться этого невероятного сияния, но Кот мгновенно пресек мое движение, грозно зашипев и выставив когти.

– Руки прочь, мой любознательный друг! – строго, но шепотом прикрикнул он. – Слуцкий пояс – это не просто деталь мужского гардероба. Это сакральный символ шляхетского гонора и мужской силы. В здешних краях существовало строжайшее суеверие, что если к поясу во время его создания или примерки прикоснется рука женщины, золото тут же потемнеет, а сам род Радзивиллов будет проклят на бесславие. На мануфактурах трудились исключительно мужчины-ткачи, а благородные дамы даже близко не подпускались к станкам. Коснешься сейчас этой прозрачной пряжи – и нарушишь баланс сил, который мы так бережно выстраивали веками.

Я поспешно убрал руку в карман. Золотые змеи, сделав прощальный вираж под сводами потолка, плавно вернулись обратно за стекло, вновь послушно улегшись в строгие геометрические линии на шелке.

– Но если эти пояса стоили как целые деревни, то что же тогда говорить о главном сокровище Радзивиллов? – Кот хитро прищурился, его янтарные глаза заговорщицки сверкнули в темноте галереи. Он повернулся и указал носом на тяжелую чугунную решетку в полу, которая вела в глубокие замковые подземелья. – Ты ведь приехал сюда ради легенд, верно? Тогда забудь про призраков. Самая большая загадка Несвижа весит без малого несколько тонн и сделана из чистого золота.

– Двенадцать апостолов? – у меня перехватило дыхание.

– Они самые, – Кот сел на лапы, обвив их хвостом. – Двенадцать статуй святых в человеческий рост, отлитых из чистого золота и украшенных драгоценными камнями. Князья Радзивиллы были ревностными католиками, но еще больше они любили демонстрировать свое превосходство над королевской короной в Варшаве. Эти статуи стояли в тайной сокровищнице замка. Когда в город приходили враги – будь то шведы, русские войска или армия Наполеона – апостолы бесследно исчезали в лабиринтах подземных ходов. Последний раз их видели в 1812 году. Владелец Несвижа, князь Доминик Радзивилл, поддержавший Наполеона Бонапарта, перед тем как замок заняли русские войска генерала Тучкова, приказал своему верному управляющему Альберту Бургельскому, взорвать входы в подземелья. Бургельский так и не

выдал тайну, где находятся апостолы. Сам князь Доминик вскоре погиб в Европе от полученных ран, унеся тайну с собой.

Я подошел к решетке и заглянул вниз. Из черного провала веяло могильным холодом и глухой, вековой сыростью.

– И что, их так и не нашли? Даже современные радары ничего не видят? – спросил я.

Кот издал тихий, утробный звук, удивительно похожий на человеческий смешок пройдохи, который спрятал туз в рукаве.

– Радары видят лишь то, что им дозволено видеть, мой дорогой. Земля под Несвижем изрыта на пять ярусов вниз. Кое-кто до сих пор считает, что они спрятаны на дне Дикого озера, кто-то ищет их на тридцатикилометровом пути к Мирскому замку... Но апостолы до сих пор не предстали перед людьми. А пока... – Кот внезапно замолчал и прижал уши к голове.

Воздух в галерее резко похолодал. Дыхание превратилось в густой белый пар, а золотое сияние витрин с поясами мгновенно сменилось мертвецко-бледным, потусторонним синеватым светом. Из дальнего конца коридора донесся едва слышный, полный бесконечной тоски женский вздох.

– О, – тихо и почтительно произнес Кот, выпрямляясь. – А вот и Ее Высочество. Самая печальная и опасная часть нашей ночной экскурсии. Смотри в оба, но не смей смотреть ей прямо в глаза.

Холод хлынул в галерею волной, от которой заныли зубы. Воздух стал настолько плотным, что казалось, его можно резать ножом. Начищенный паркет покрылся тончайшей, хрустальной коркой инея. Янтарные глаза Кота вспыхнули ровным, почтительным светом. Он не сбежал, но весь подобрался, сел у моих ног и замер, превратившись в угольное изваяние.

Из зеркала в тяжелой резной раме в конце коридора, соткавшись из клубов морозного пара, плавно выплыл женский силуэт.

На ней было глухое, тяжелое платье из черного бархата, доходившее до самого пола. Голову покрывала темная вдовья вуаль, из-под которой проступали черты лица невероятной, но мертвецко-бледной красоты. Тонкие пальцы, униженные старинными перстнями, были судорожно сжаты на груди. Вокруг нее не было торжественной музыки или звона оружия, ее сопровождала лишь оглушительная, звенящая тишина и отчетливый, пугающий аромат горького миндаля. Запах королевского яда.

– Барбара Радзивилл, – едва слышно, одними губами произнес Кот. – Королева Польская, Великая княгиня Литовская. И вечная заложница этих стен.

Призрак Черной Панны медленно двигался по галерее. Она не шла, она будто скользила над заиндевевшим паркетом. Её взгляд, устремленный куда-то сквозь нас, был полон такой глубокой, вековой тоски, что у меня сжалось сердце.

– Сигизмунд... – сорвался с ее бледных губ едва различимый вздох, похожий на шелест увядающих роз. – Где же ты, мой король?.. Опять темнота. Опять этот проклятый туман...

Я застыл, боясь сделать даже мизерный вдох. Кот, вопреки своему обычному ироничному тону, медленно склонил голову, коснувшись ушами пола в глубоком, почтительном поклоне.

– Ваше Королевское Высочество, – мягко и непривычно серьезно заговорил Кот. Его бархатный голос прозвучал в тишине как успокаивающее лекарство. – Король не придет. Зеркало Твардовского давно разбито, а алхимические круги стерты. Но память о вашей любви до сих пор хранят эти камни.

Черная Дама остановилась всего в двух шагах от нас. Мороз от ее фигуры обжигал лицо. Она медленно опустила голову и посмотрела на Кота. На ее прозрачном лице промелькнуло подобие узнавания, слабая, едва заметная улыбка.

– Ты всё еще здесь, маленький страж? – тихо спросила она, и ее голос отозвался эхом где-то у меня в сознании. – Всё так же считаешь шаги живых в моих коридорах?

– Кто-то же должен напоминать им, что у величия есть цена, Моя Королева, – Кот поднял свои янтарные глаза, глядя на нее без страха, но с бесконечным уважением.

Барбара снова вздохнула, повернула голову ко мне, и на мгновение наши взгляды встретились. В ее глазах не было злобы или желания напугать, а лишь бездонная, выпивающая душу печаль женщины, которую разлучили с любимым, отравили ради государственных интересов и заперли между мирами из-за безумной попытки мужа вернуть её с того света.

Она медленно подняла руку. Из ее тонких пальцев на ледяной паркет скользнул темный, почти черный бутон розы. Едва цветок коснулся пола, как фигура Барбары начала бледнеть, теряя очертания. Синеватый свет стал гаснуть, уступая место первым, еще робким и серым лучам приближающегося рассвета.

– Живи... и помни... – донеслось из рассеивающегося тумана, и Черная Панна окончательно растаяла, будто ее и не было.

Холод тут же отступил. Паркет снова стал сухим и теплым, а за окнами замка послышалось первое, пока еще далекое утреннее щебетание птиц.

Первый луч солнца, пробившийся сквозь тяжелые облака, рассек галерею острой золотой иглой. Магия ночи начала стремительно таять, словно испугавшись дневного света.

Призрачные доспехи в коридорах в последний раз тяжело звякнули металлом, застывая в своих привычных, музейных позах. Портреты магнатов на стенах поблекли, вернувшись в рамки холстов и масляной краски. Суровые лица Радзивиллов снова стали лишь безупречной работой старых мастеров. Исчез соляной хруст под ногами, смолкли звуки призрачных скрипок Бального зала. Замок стремительно превращался в то, чем он и был днем – в тихий, строгий и немного чопорный музей.

– Ну вот и всё, мой друг, – негромко произнес Кот, направляясь к той самой потайной двери, через которую мы вошли. – Спектакль окончен. Актеры разошлись по гримеркам, декорации заперты. Сейчас придут уборщики с пылесосами и кассиры со своими билетами. Нам здесь больше делать нечего.

Он ловко юркнул в узкий проем подземного лаза. Я, едва переставляя ноги от навалившейся усталости и переизбытка эмоций, поспешил следом. Обратный путь по кирпичному туннелю показался мне намного короче.

Когда мы выбрались наружу через поросшую плющом арку у замкового рва, Несвиж уже полностью проснулся. Утреннее солнце заливало пруды ярким светом, разгоняя остатки ночного тумана. Воздух был свежим и чистым. На часах в замковой башне стрелки показывали начало седьмого утра.

Я поднялся по крутому склону вала, тяжело дыша, и опустился на ту самую деревянную скамейку, с которой началось мое ночное приключение. Голова гудела. Всё произошедшее казалось невероятным, безумным сном, рожденным уставшим воображением.

– Ну что, всё еще сомневаешься в подлинности увиденного? – раздался тихий, лукавый смешок.

Я обернулся. Черный Кот сидел на краю скамьи, щурясь на теплое утреннее солнце. В его янтарных глазах плясали искры искреннего веселья пройдохи, который снова оставил человека в дураках.

– Знаешь, – я потер глаза руками. – Если я кому-нибудь расскажу про всё это, мне никто не поверит.

– А ты не заставляй их верить, – Кот грациозно поднялся, потянулся всем телом и спрыгнул со скамьи в густую зеленую траву. – Если захочешь рассказать – расскажи. Замок сам выберет тех, перед кем ему открыться следующей ночью. Прощай.

Он сделал несколько шагов к кустам сирени и... просто исчез. Не растворился в воздухе с мистическим спецэффектом, а будто скользнул за невидимую ширму пространства. Пропал, словно его никогда и не было.

Я вздохнул, качая головой, и уже собирался встать, как вдруг мой взгляд упал на деревянное сиденье скамьи, как раз туда, где только что сидел Кот.

Рядом со связкой моих автомобильных ключей лежали два предмета.

Первым была старинная, потемневшая от времени медная монета – Солид эпохи Яна Казимира, отчеканенный на Брестском монетном дворе. А рядом с ней, источая едва уловимый, но совершенно отчетливый аромат горького миндаля, лежал свежий, умытый утренней росой бутон розы. Она была такого густого, темного бордового цвета, что в тени казалась абсолютно черной.

Я бережно взял монету и цветок в руки. Настоящий Несвижский замок умел оставлять автографы тем, кто умел его слушать.